

ДЕРЗКАЯ МАЛЫШКА

Крупные книги
в удобном формате

ФИОНА ВУД

ШЕСТЬ
НЕВОЗМОЖНЫХ
НЕВОЗМОЖНОСТЕЙ

Москва
2019

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
В88

Fiona Wood
SIX IMPOSSIBLE THINGS

Copyright © 2010 by Fiona Wood
This edition is published by arrangement with Jill Grinberg
Literary Management and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского *Юлии Бугровой*
Художественное оформление *Радия Фахрутдинова*

Вуд, Фиона.
В88 Шесть невозможных невозможностей / Фиона Вуд ; [пер. с англ. Ю. Бугровой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-099837-1

У четырнадцатилетнего Сарела все было отлично, пока родители не расстались. С этого момента его жизнь пошла кувырком. Чтобы справиться со стрессом, парень придумывает список важных дел: поцеловать девушку, найти работу, поднять настроение маме, перестать быть лузером, поговорить с отцом по душам и понять, как стать хорошим. На первый взгляд это просто. Но, может, Сарелу удастся?

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Бугрова Ю., перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке,
оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099837-1

*Посвящается
Зои и Джорджу*

Пролог

Я знаю одну девчонку.
Я чувствую ее сердцем. Я знаю о ней все,
кроме одного: какая она на самом деле.

Ее зовут Эстель. И я по ней тоскую.

Эстель вечно слушает музыку только че-
рез один наушник iPod — саундтрек своей
жизни.

Она перестала грызть ногти, все, кроме
мизинца на левой руке.

У Эстель есть привычка теревить ман-
жеты школьной кофты.

Она — единственный ребенок в семье.
Как и я.

Она играет на виолончели.

Она любит моккачино. И молочно-бана-
новый коктейль — с сиропом, а не с насто-
ящими бананами. А еще шоколад, особенно

батончики «Спелая вишня». У нее есть подруга в Нью-Йорке, которой она посылает «Спелую вишню». Их там не купить.

У Эстель много друзей. В отличие от меня.

Она живет по соседству. Рядом с домом, где сейчас живу я со своей семьей.

Она часто смеется.

Мы с ней совпадаем в трех из пяти любимых групп.

Ее любимые писатели — Джорджетт Хейер и Дж. Д. Сэлинджер.

Не могу объяснить, откуда я знаю все это о той, с которой не знаком.

Если не вспоминать о том, что кто-то умер, наследство — хорошая штука, верно? Неожиданно привалившая удача. И дела сразу в гору. Но у нас получилось с точностью до наоборот. Все очень быстро пошло наперекосяк.

У папы начались проблемы на работе. Громовые раскаты долетали даже до меня, при том что город у нас немаленький. Наша комфортная жизнь оказалась иллюзией, навеянной огромной кредитной задолженностью. Все полетело вверх тормашками. А следом кубарем полетели и мы.

Финансовые проблемы были только началом. Как-то вечером, стоя на площадке

второго этажа, я со щемящей болью осознал, что родители уже ни капельки не любят друг друга. Но с каких пор? Улы-ы-бочку! Вот мы выйдем счастливыми. Позируем на Бруклинском мосту, едим фалафель в квартале Марс в Париже, плаваем с аквалангами среди гигантских треуголок возле Грин-Айленд.

Что пошло не так? Когда? И почему я этого не замечал?

Выходит, я, как та лягушка, не чувствовал, что вода становится все горячее и в итоге попал в суп?

Когда Аделаида, мамина двоюродная бабка, умерла и оставила ей дом, я подумал, что это разрядит ситуацию. Она и разрядилась, только совсем не так, как я ожидал. Наносекунду спустя папа огорошил нас известием: семейный бизнес уплыл в чужие руки, его объявили банкротом, он — гей и уходит от нас.

Жизнь перевернулась разом с ног на голову.

* * *

Наш дом выставили на публичные торги. Это означает, что банк продает его с молотка, потому что, по сути, владеет им. Кредиторы, которым задолжал отец, прислали ликвидаторов, которые вывезли все наше имущество. Это очень напоминает переезд, с той лишь разницей, что грузовик увозит все вещи в неизвестном направлении.

Когда грузили коробки в грузовик, мимо проезжал на велосипеде Джош Уиттерс из школы.

— Что, Сарел, переезжаете?
— Ты потрясающе наблюдателен, Уиттерс.

Интересно, в курсе ли он наших скверных дел.

— Говорят, твой отец разорился.
В курсе.
— Ага.

— Лузер.

И Джош рванул дальше.

Надеюсь, он все же не заметил мой пуфик с черепашками ниндзя — давно надо было его выбросить.

Обычно при подобном финансовом крахе личное имущество не описывают, но в нашем случае все до последнего отошло компании.

Нам с мамой удалось кое-что припрятать в доме ее подруги Элис: посуду, книги, одежду, мои комиксы и телевизор. И еще у нас остались фотографии, только без серебряных рамок. Вся наша жизнь в двух коробках.

Ликвидаторы прошли по дому, точно полчища саранчи. Находиться в опустевшем здании было жутко. Такое гулкое эхо я слышал только в день нашего приезда. Но тогда оно сулило радость и новизну. А сейчас предвещало конец и то, что я предпочел бы не знать.

Нас вырвали с корнем. Ликвидировали. Прикончили. И еще кинули. Уиттерс был прав. Я действительно ощущал себя лузером.

2

Список дел:

1. Поцеловать Эстель. Знаю. Мы с ней не знакомы. Технически. И тем не менее это № 1.

2. Найти работу. Мы в полной финансовой заднице. И моя задача — вытащить нас оттуда, если новый мамин бизнес даст дуба.

3. Поднять настроение маме. Больше шансов, что бизнес не даст дуба, если она отчасти придет в себя.

4. Я не очень-то надеюсь на то, что стану крутым или популярным в новой школе, но хотя бы постараюсь не оказаться полным лузером.

5. Надо поговорить с отцом, когда позвонит. Но как, когда единственное, что

мне хочется спросить, — это то, что я категорически не хочу знать: «Как ты мог нас предать?»

6. Экзистенциальное. Понять, как быть хорошим. Не хочу, став взрослым, в одночасье предать свою семью и уйти.

Невозможно.

Невозможно.

Невозможно.

Невозможно.

Невозможно.

Невозможно.

3

Я просыпаюсь, и сразу реальность накрывает меня снова, как волной. Бум! Хук в живот — там, гадко ухмыляясь, засела злоба. А рядом с ней — тоска, вниз тянет кирпичом. Три недели, как папа ушел, а мы с мамой переехали в дом ее двоюродной бабушки Аделейд. Ныне покойной. Здесь страшный дубак. Середина зимы, разгар

каникул. Пальцы так окоченели, что невозможно сжать их в кулак.

Окна приходится держать открытыми — из-за запаха. Обогреватели — на крайний случай, из-за финансов. Оттаиваю я только в постели, и жуть как медленно, потому что электрические одеяла — в прошедшем времени.

Здесь шесть спален — вместе с той, где умерла Аделейд. Та дверь закрыта наглухо. Я выбрал себе комнату не задумываясь — наименее вонючую и, с тех пор как мы въехали, преимущественно нахожусь в постели. Как будто тело приказывает мне впасть в спячку, и я повинуюсь. Отпадное могло бы выйти сочинение на тему о том, как я провел зимние каникулы.

И еще выяснилось, что дом вовсе не принадлежит нам. Мама унаследовала его в пожизненное пользование. Когда она умрет, дом достанется не мне, а Обществу охраны исторических зданий.

Так что умри она в ближайшее время, я окажусь на улице. Или с отцом. Думаю, тогда нам придется начать разговаривать. Жаль, что она не может продать дом. Он стоит кучу денег. Я видел цены в витрине агентства по недвижимости.

До кучи, наследство с обременением — в старой конюшне на заднем дворе живет какой-то чувак. Очевидно, это тоже по завещанию. Мы с ним пока не встречались. Он в отъезде.

Не сказать, чтобы мама была в восторге от такого расклада. Но, как она сама говорит, по крайней мере есть крыша над головой. Могло бы и того не быть. У нас нет ни гроша. Даже машины не будет, когда в конце месяца закончится аренда.

Можно подумать, у нас есть деньги на бензин.

Была надежда, что Аделейд оставит маме наличные, но не обломилось. Деньги отошли

Национальной галерее, которая вряд ли нуждается в них так же сильно, как мы.

В адвокатской конторе нам передали единственную вещь — шкатулку из черного дерева. У мамы загорелись глаза, но я сразу заметил, какой у адвоката смущенный вид, и знал, что она не найдет там то, на что рассчитывала.

— А где бриллианты? — наконец спросила мама.

— В скупке.

— Им там самое место, — сказала она.

В шкатулке оказались стеклянные бусинки — прозрачные с белыми прожилками, деревянная катушка с оранжевыми нитками, картонные железнодорожные билеты, девять золотистых булабочек, несколько медных монет в один и два цента и дюжина резных фигурок насекомых и животных.

— Это, я полагаю, на добрую память? — поинтересовался адвокат, каждой полоской своего костюма выражая сострадание.